Г.А. Амкуаб (Миквабиа), кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики филологического факультета Абхазского государственного университета; e-mail: gurik2009at@mail.ru

СМИ И ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ МЕНТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье раскрываются особенности постмодернистской ментальной модели, которая в настоящее время доминирует в различных сферах общественного и индивидуального сознания, резонируя во все формы деятельности, включая современную медийную индустрию. Осуществляя обзор различных постмодернистских концепций массмедиа, автор эксплицирует проявления постмодернистской ментальной модели в деятельности современных СМИ и новых электронных медиа, усматривая в них продолжение устойчивой традиции «бегства от реальности». Давая оценку подобным процессам, автор высказывает предположение, что постмодернистский феномен «имплозии» — взрыва, направленного внутрь изображаемого, — в состоянии ответить на вызов нашего времени.

Ключевые слова: *ментальная модель, ирреализм, мистификация реальности, коллажные осмеяния, гиперреальные медиаобразы.*

The article reveals the peculiarities of post-modern mental model that currently dominates in various spheres of social and individual consciousness, resonating in all forms of activities, including modern media industry. Implementing of the overview of different postmodernistic mass-media concepts, the author manifests the postmodern mental model of activity of nowadays media and new electronic media, considering in them a continuation of the long tradition of "escape from reality". Giving assessment to such processes, the author suggests that the postmodern phenomenon of the inward portrayed "implosion" is able to answer the challenges of our time.

Key words: *mental model, irrealism, hoax of the reality, collage ridicule, hiperreal mediaimage.*

Введение

По мнению современных исследователей [Землянова, 2010], постмодернистская ментальная модель в настоящее время обретает колоссальные масштабы влияния на разные сферы медиатизирующейся культуры и общественной жизни, что стало возможным благодаря новым электронным средствам связи и информации. Для нас представляет интерес вопрос, связанный с выявлением особенностей постмодернистской ментальной модели современной культуры, благодаря которым можно говорить о реализации парадигмы «бегства от реальности». Теоретическое обоснование постмодернистской ментальной модели современной культуры и

в некотором роде самой парадигмы «бегства от реальности» в наиболее развернутом виде обнаруживается в рамках одного из современных направлений исследования, имя которому — постмодернизм.

Неслучайно самоидентификация постмодернизма изобилует палитрой таких понятий, как ирреализм, мистификация реальности, фантастические коллажные осмеяния, виртуально-компьютерные композиции и прочее. Здесь предпочтительным представляется развитие технологий репрезентации, нацеленных на стирание граней между реальностью и ирреальностью, между объектом и его образом, между товаром и его знаковым имиджем (символом) в рекламе, что в конечном итоге создает иллюзии «гиперреальности», «где имитации кажутся более “реальными”, нежели то, что они намерены представлять» [Harms, Dickens, 1996, p. 213]. «С постмодернистской точки зрения современные медиа не изображают реальность, а создают ее» [Ibid., p. 214].

На практике это находит отражение в ряде медийных процессов. В частности, размываются границы между различными телевизионными жанрами, в результате чего появляются «синкретические» детские или музыкальные программы, насыщенные рекламной информацией, и новости с развлекательными компонентами (инфотейнмент, политейнмент). Становится массовым распространение различных ремиксингов и римейков, в которых переделкам и переистолкованиям подвергаются сюжеты и произведения разных авторов. По мнению постмодернистов, при этом нередко происходит «замещение знаком реального самой реальности» [Ibid.]. И это вполне оправданно — согласно концептуальным установкам постмодернизма, гиперреальные медиаобразы вообще могут не иметь своего носителя в реальности. Наиболее наглядно эта идея проявляется в рекламных имиджах, которые авторы статьи рассматривают как «хороший пример гиперреальных коммуникаций» [Ibid.]. Здесь иллюзия возникает в результате «тщательного отбора социальных контекстов, фона и моделей с последующим манипулированием световыми средствами и углами камерной съемки и, наконец, посредством регулирования фотографических изображений» [Ibid.].

К «приобретениям» современной эпохи можно отнести и некий новый способ подачи текстов, разъединяемых на части в подражание потокам или коллажам телевизионных кадров, в которых может происходить «дереализация» вещей, их произвольное изображение с несоблюдением натуральных пропорций и связей в форме особого «познавательного картографирования», позволяющего сочетать реальные факты с «абстрактными представлениями об их географической всеобщности» [Jameson, 1984, p. 90]. С постмодернистской концепцией современных медиа, не изображающих су-

ществующую действительность, а моделирующих новую реальность, связано появление понятия «эпоха постжурнализма», которое соседствует с термином «кибержурнализм» и отражает целый комплекс новых тенденций, ставших актуальными благодаря возможностям информационной техники, позволяющим «схватывать» «сверхреальность в мнимореальных образах и вызывать средствами журналистики иллюзии самостоятельной жизни знаковых или кадровых выразителей реальности в ирреальности медиаобразов». В частности, на этих возможностях, как утверждают Джон Хармс и Дэвид Дикенс [Harms, Dickens, 1996, p. 214], основан «новый нерепрезентативный способ сигнификации», предполагающий использование определенных медиалогики и медиаформатов. С его помощью создаются медиасобытия, в форме которых представляются спортивные игры или политические события. Таким образом, различные социальные институты (семья, политика, религия, спорт), которые непосредственно не относятся к сфере медиа, формируются согласно определенной медиалогике, превращаясь в дальнейшем в «медиаинституты вторичного порядка» [Ibid.]. И в то же время, как считают авторы статьи, «форматы современных коммуникаций основывают “медиамиры” журнализма, политики, спорта и религии» [Ibid., p. 212]. По-видимому, можно говорить о двух сторонах — участниках единого процесса «создания новой реальности», демонстрирующей «открытость» для воздействия пассивной аудитории и активно фреймирующей медийной системы. Правда, некоторые исследователи утверждают, что современная аудитория отличается возможностями самостоятельно придумывать множество значений, выявляемых в медиаобразах, и таким образом противостоять попыткам манипулирования сознанием посредством создания собственной «культурной политики протеста» [Ibid., p. 217]. Такая «политика» позволяет, согласно мнению постмодернистов, играть со значениями вместо подчинения им. Авторы упоминаемой статьи справедливо считают подобную позицию выражением «необоснованного оптимизма» [Ibid., p. 219]: на создание собственной «культурной политики протеста» способна лишь аудитория креативного меньшинства, которая, к великому сожалению, в настоящее время не обнаруживает тенденции к расширению. Надо сказать, что американские социологи, представители академических кругов, Джон Хармс и Дэвид Дикенс хорошо «распознали наше постмодернистское состояние», призывая «не подчиняться ему» [Ibid., p. 225]. Однако, безусловно, преуспевая в этом самом распознании, авторы отнюдь не спешат с раскрытием секрета, связанного с тактикой сопротивления «столь жестокой участи» современной культуры. Так что нам остается лишь констатировать особенности постмодернистской ментальной модели, которая

в настоящее время доминирует в различных сферах общественного и индивидуального сознания, а также соответствующего ему бытия. Резонируя во все формы деятельности, эта модель проявляется и в современной медийной культуре. Описывая наше постмодернистское состояние, Хармс и Дикенс утверждают, что оно «характеризуется резкими изменениями материальных и культурных измерений социальной жизни», связанными со смещением акцента с прежних позитивистских принципов объективного научного изучения мира на «постмодернистскую чувствительность» [Ibid., p. 210]. «Отрицая все сущностные и основополагающие притязания на истину, эта чувствительность избирает “лингвистический крен”» [Ibid., p. 212], определяя новые подходы к интерпретации языка и коммуникаций. Но тогда возникает вопрос: о каком «бегстве от реальности» может идти речь, если в эпицентре существования оказывается некая чувствительность?! Дело в том, что эта самая «постмодернистская чувствительность» — особая чувствительность, которая обуславливает умение ориентироваться не в реальном, а скорее в виртуальном мире компьютерных коммуникаций; чувствительность, предполагающая возможности «схватывания» «сверхреальности» в мнимореальных образах.

Характерный для постмодернистской медиакультуры в целом коллажный стиль, который нередко называют формой попурри или «мешаниной беспорядочных образов» [Ibid., p. 216], не предусматривает глубинного погружения с доскональным анализом представляемой информации, располагая скорее к так называемому «игровому ироническому отношению», подчеркивающему, по мнению исследователей, «нерепрезентативную природу коммуникации» [Ibid.]. Современное общество оказывается буквально «нафаршированным» мозаичной видеоинформацией, которая «поставляется» потребителю электронными массмедиа в потоках медиаобразов. Причем многие из них, как утверждают специалисты, создаются не для того, чтобы что-то конкретно обозначать в реальности, — они имеют другую цель — чувственное вовлечение зрителей в мир постмодернистской медиакультуры, используя известную с давних пор человеческую потребность в зрелищах. Искусство подавать информацию интригующе, с «шиком-блеском» в форме увлекательного шоу приобретает особую популярность в среде современных журналистов, отдающих предпочтение специфическим фигуральным стратегиям коммуникации, в которых визуальное начало доминирует над вербальным, а эмоциональное — над рациональным. Здесь, безусловно, есть рациональное зерно, если говорить о форме происходящих медиапроцессов. Но если делать акцент на форме в ущерб содержанию осуществляющейся медиадеятельности без учета скрывающихся за ним намерений и

интересов, тогда мы будем иметь то, что мы имеем — антигуманизм и технологический детерминизм, о чем, собственно, и предупреждают Хармс и Дикенс. Это путь, к которому ведут «лингвистические игры» с кодами и дискурсами и так называемая «кочующая» переменчивая субъективность, с восприятием которой как данности постмодернисты связывают получение удовольствия в «шизоидной структуре опыта, более ощущаемого чувствами, нежели постигаемого рационально» [Ibid., p. 212]. Как отмечают авторы, все познания оказываются тоже «результатом структурирующего дискурса», полученного только как одна из многих возможных перспектив. В рамках такого подхода постмодернизм дает обоснование «децентрированным шизоидным блужданиям одиноких странников в сети киберпространства» [Ibid., p. 223].

Эпистемология постмодернизма

С точки зрения концепции глобального эволюционизма, лежащей в основе современной научной картины мира, формирующейся в настоящее время постнеклассической наукой, все, что происходит в реальности, действие всех природных и социальных законов можно представить как постоянный отбор некоторых состояний из поля возможностей [Степин, 2006, с. 333—334]. В этом смысле все динамические системы обладают способностью «выбирать», хотя конкретные результаты «выбора», как правило, не могут быть предсказаны заранее. Но это отнюдь не значит, что названная способность осуществляется по механизму «забавных игр» постмодернизма. Вне всякого сомнения, она реализуется согласно определенным, до сих пор еще до конца не понятым законам. Академик Н.Н. Моисеев, один из наиболее известных деятелей постнеклассической науки, считает, что можно выделить два типа механизмов, регулирующих «выбор» системой той или иной возможности для развития. С одной стороны, адаптационные, под действием которых система не приобретает принципиально новых свойств, а с другой — так называемые бифуркационные, связанные с радикальной перестройкой системы. Но кроме этих механизмов для объяснения самоорганизации необходимо выделить еще одну важную характеристику направленности самоорганизующихся процессов, которую Н.Н. Моисеев обозначает как принцип экономии энтропии, дающей преимущество сложным системам перед простыми. Этот принцип звучит так: если в данных условиях возможны несколько типов организации материи, не противоречащих законам сохранения и другим принципам, то реализуется и сохранит наибольшие шансы на стабильность и последующее развитие именно тот, который позволяет утилизировать внешнюю

энергию в наибольших масштабах, наиболее эффективно [Моисеев, 1989, с. 53]. Понимание таких закономерностей является чрезвычайно важным в ситуации кризиса мировоззренческих ориентаций, в условиях необходимости решения проблемы выбора жизненных стратегий человечества, поиска им новых путей цивилизационного развития. Глобальные проблемы, с которыми столкнулась цивилизация в конце XX в., требуют по-новому оценить развитие техногенной культуры, которая существует уже на протяжении четырех веков и многие ценности которой, связанные с отношением к природе, человеку, пониманием его деятельности, ранее казавшиеся незыблемым условием развития и улучшения качества жизни, сегодня ставятся под сомнение [Степин, 2006, с. 354]. Многие современные исследователи считают, что в настоящее время техногенная цивилизация приблизилась к той «точке бифуркации», которая может оказаться началом перехода в новое качественное состояние. Какое направление будет реализовано системой из определенного спектра ее потенциальных возможностей, какой характер «предначертан» ее дальнейшему развитию, — от этого зависит само существование человечества. И здесь, совершенно очевидно, не может быть и речи о «забавных играх» постмодернизма с набором различных значений, кодов и дискурсов, которые могут представлять интерес лишь в контексте тенденций к децентрированности личностных интересов и вкусов аудитории, связанных с восприятием ирреалистической образности коллажно-пародийного стиля постмодернистских попурри. В то же время, на наш взгляд, необоснованными являются обвинения постмодернизма в культивировании покорности политике, руководствующейся принципом «разделяй и властвуй» по отношению к разъединенным сообществам и субкультурам, а также упреки в инициировании процессов эрозии культурных ценностей путем «имплозии» — взрыва, направленного внутрь изображаемого [Harms, Dickens, 1996, p. 216]. Как нам представляется, современные инновационные технологии действительно позволяют создавать виртуальные миры сверхреальности, «разрушающие» неудовлетворяющую человека повседневность, постепенно формируя новые парадигмальные образцы будущего. Но в этом процессе можно усматривать и рациональное зерно, если направлять его в нужное русло. Не исключено, что именно взрыв, направленный внутрь изображаемого, в состоянии ответить на вызов нашего времени. По крайней мере, это современная форма «бегства от реальности», которая получает все большую популярность в самой разнообразной аудитории.

Что же касается методологических установок теории познания, отметим следующее. В настоящее время в центре исследований современной науки оказываются уникальные, исторически разви-

вающиеся системы, в которые в качестве особого компонента включен сам человек. Поэтому неудивительно, что установка на получение объективно-истинных знаний о мире в данном случае предполагает экспликацию ценностного аспекта деятельности. Техногенная цивилизация, таким образом, вступает в эпоху особого типа прогресса, когда гуманистические ориентиры становятся важнейшей составляющей в определении стратегий научного поиска. И здесь вовсе неуместны ни «кочующая» переменчивая субъективность, ни «забавные лингвистические игры» с кодами и дискурсами постмодернизма. Однако происходящие в теории познания процессы изменения идеалов и норм научности, связанные с признанием «органичной включенности «субъекта» в объект познания, а также невозможности получения знаний о последнем в «чистом виде» без отпечатка человеческой деятельности как посредника между разумом и познаваемым миром, в рамках постмодернистских исследований СМИ интерпретируются парадоксальным образом. К примеру, Кевин Робине в своей книге «Внутрь образа» утверждает, что мы «все в большей степени приходим к тому, что видим мир опосредованно, и по мере того, как это происходит, мы приобретаем все большую возможность дистанцироваться и устраниться от контакта с его реальностью»[1]. Интерес представляет логическая цепочка, репрезентирующая этот феномен, которая обсуждается в статье Жана Бодрийяра «Прецессия симулякров». Здесь автор утверждает, что средства массовой информации нейтрализовали реальность. Согласно Бодрийяру, сначала средства информации (a) отражают реальность, затем они (b) маскируют и извращают ее, потом (c) маскируют отсутствие реальности и, наконец (d), производят симулякр реального[2]. Последний отождествляется с разрушением значения и всех связей с реальностью, смертью дискурса. Единственное рациональное зерно, которое можно извлечь из подобных инсинуаций, по-видимому, заключается в понимании противоположной направленности процессов научного познания мира и деятельности СМИ. В отличие от науки, находящейся в поисках средств и методов постижения, «схватывания» асимптотически ускользающей от нас объективной реальности, СМИ сами являются посредниками между информацией о реальности и аудиторией, поддерживающими и формирующими востребованные в последней иллюзии, уводящие от реальности, разрушающие ее изнутри. Тем не менее к бесспорным «приобретениям» постмо-

[1] Цит. по: *Уиллок Д.Э.* Реальность как предмет переговоров: хаотические аттракторы нашего понимания // Массовая культура, современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований, Прагматика культуры, 2005. С. 10.

[2] Там же.

дернизма, на наш взгляд, можно отнести открытие феномена «имплозии» — взрыва, направленного внутрь изображаемого, о котором речь шла выше.

Так что современный механизм «бегства от реальности» уже разработан. Дело осталось за «малым» — разобраться, что нужно взрывать! Ясно только одно — «реальность невыносима, человек не в силах выдержать ее взгляд; она — величайшая опасность, прямая угроза существованию. Это именно то, от чего мы защищаемся, когда пытаемся перевести событие в порядок реального...» [Подорога, 2005, с. 268].

Особый интерес представляют суждения типа: «Реальность — не то, что на самом деле случилось, но то, что воспринимается как случившееся». В. Подорога использует примеры некоторых лент Оливера Стоуна («Никсон», «JFK» и др.), чтобы показать, как «истина упраздняется под действием дополнительных, воображаемых логик факта». Идея многообразия воображаемых логик факта соответствует представлениям о мозаичности культуры (А. Моль) или более нейтральной модели калейдоскопа (К. Леви-Строс).

Согласно Молю, культура представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т.д.) [там же, с. 308]. Настоящее, по мнению Моля и его последователей, — это набор пульсирующих с разной частотой и интенсивностью явлений: на месте одного тут же возникает другое, что-то сохраняется, а что-то не оставляет следов, а что-то, напротив, обретает устойчивую культурную форму, переходя в ритуал. Исходя из описания мозаичной модели культуры, становится ясной причина существования многообразия «воображаемых логик факта». Действительно, вполне можно себе представить, что каждому из пульсирующих с разной частотой и интенсивностью явлений, каждому из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, разумеется, обладающих субъективностью, соответствует определенная «воображаемая логика факта», с позиций которой реконструируется то или иное событие, т.е. воспринимается как случившееся. Однако это не значит, что асимптотически ускользающая от нас истина «упраздняется под действием дополнительных, воображаемых логик факта». Мы имеем дело с набором дивергирующих «эквивалентных» описаний одного и того же события, каждое из которых «схватывает» лишь часть, какой-то фрагмент реальности в упрощенной, идеализированной форме. Согласно определению Штоффа, это и есть не что иное, как познавательные модели реальности, в резонансе которых мы

получаем наиболее полное представление о реконструируемом событии. По-видимому, изобретательность Ж. Бодрийяра была направлена именно на осмысление таких моделей, которые представляются им как некие симулякры. Правда, согласно Бодрийяру, эти самые симулякры с какой-то стати отрицают реальность, прячут ее, «скрадывают» в обманке, замещают подделкой и ложными образами [там же, с. 315]. Подобное отношение к множественным моделям культурной реальности, вероятно, связано с восприятием последней как некой гиперреальности, того, чему можно найти только сверхчувственный (виртуальный) эквивалент. По Бодрийяру, реальность — то, что «можно эквивалентно воспроизвести». Что же касается моделей реальности, то они, вернее каждая из них в отдельности, отнюдь не в состоянии «схватывать» объект в прямом смысле слова, т.е. отражать его всеобъемлюще в едином познавательном образе, а, значит, по-видимому, согласно Бодрийяру, эквивалентно. Поэтому вводят понятие реального, вероятно, соответствующее понятию «модель» при отражении реальности. Неслучайно В. Подорога призывает не смешивать Реальность (с большой буквы) с реальным; последнее, как утверждает автор, является лишь одной из модальностей реальности (наравне с возможным, актуальным, виртуальным, фантастическим, симулятивным, символическим и пр.). С таких позиций становятся более понятными весьма туманные рассуждения Бодрийяра о том, что реальность перекрыта многими слоями реального, которые создают эффект интерференции, смешения световых бликов. Однако какое рациональное зерно можно обнаружить в невероятно абсурдном выводе: мы все лучше и лучше видим то, что не существует (во всяком случае так), тогда реальное (то, что мы якобы видим) и получает качества гиперреальности. Дело, с одной стороны, возможно, в том, что культура возникает и функционирует как вымысел. Культурный опыт, как справедливо отмечает Валерий Подорога [там же, с. 312], выстраивается на основе первоначального конфликта как необходимая форма примирения, снятия или временного «выглаживания» конфликтующих желаний. Что это значит? По описанию механизма возникновения вымысла этим автором, желание, которое не может быть удовлетворено наличным культурным опытом и всегда угрожает применением насилия, атакует предстоящий ему запрет. Именно запрет на желание (на присвоение объекта) приводит к замещению объекта образом желаемого, т.е. к Вымыслу (для чего и требуется, собственно, развитие техник репрезентации). Это значит, что неудовлетворенному желанию предлагается фиктивное удовлетворение в качестве fictio («подделки» или «обманки»), т.е. то, что называют в рамках современных представлений Вымыслом в том смысле, в котором он есть «нечто сделанное»,

«нечто смоделированное». Именно таковым является изначальное значение слова fictio, а не то, что вымысел фальшив, не фактичен. Но в этом, как нам представляется, только одна сторона обсуждаемой проблемы.

Культура и реальность

Итак, в силу того, что культура воспринимается как Вымысел, понятия культуры и реальности разводятся. «Все, что не есть культура, есть реальность» [там же]. Однако вполне логично говорить о так называемой культурной реальности, постижение которой характеризуется особой гносеологической ситуацией. Специфика этой ситуации состоит в том, что здесь органичная включенность субъекта в объект познавательных усилий, присущая естествознанию, дополняется органичной включенностью объекта в субъект. Иными словами, наблюдение за культурой (отдельными культурами) невозможно без установки обратной связи. С одной стороны, наблюдатель неизбежно включается в то, что он наблюдает, а это значит, что наблюдение воздействует на наблюдаемое и изменяется вместе с ним. С другой стороны, наблюдаемое как объект познания воздействует и на сам субъект познавательных усилий — наблюдателя, изменяя его, что позволяет говорить об органичной включенности объекта в субъект. Поэтому для достижения максимальной объективности культурологического описания следовало бы освободиться от влияния и наблюдаемого на наблюдателя, и наблюдателя на наблюдаемое (наблюдаемое имманентно средствам наблюдения: то, как мы видим, и есть то, что мы видим). Ни то ни другое в действительности невозможно. Таким образом, достичь так называемой «чистоты наблюдения», «схватить» объект культуры в чистом виде является еще более сложной проблемой, чем объективное постижение в естествознании, хотя выделить и наблюдать объект исследования в «чистом виде» и здесь практически невозможно. Как справедливо утверждают Фр. Варела и У.Р. Матурана, которые обосновали целесообразность применения понятия аутопоэзиса в культуре, никакая культура не имеет внутри себя привилегированной точки зрения, которая была бы трансцендентна тому, что наблюдается. Рекурсия акта познания — естественная форма познавательного цикла, где скрытым остается начало начал, ибо начало смещается в акт познания как творения [там же, с. 313]. К такому выводу приходят эти авторы. И все же для получения результатов, приближенных к адекватной картине реальности, когда речь идет о культуре, многими исследователями используется некий интерпретативный прием — так называемая рекурсивная петля.

Вот как описывает этот прием В. Изер: «Система обратной связи развивается как взаимозамена между входом и выходом (input, output), в процессе которого корректируется план, ибо он не смог реализовать поставленную цель. Следовательно, происходит двойная коррекция: бросок вперед (feed forward) возвращается назад в качестве превращенной обратной петли, которая, в свою очередь, питается повторным выходом. Таким образом, рекурсивное петляние приноравливает будущие явления и к прошлым достижениям» [там же, с. 312].

Исходя из описанного становится ясно, что практика современных СМИ, бесспорно, чрезвычайно далека от техники достижения «чистоты наблюдения». А симулякры как проявления реальности, ее образы можно рассматривать, по мнению В. Подороги, в качестве орудий тестирования реальности, показателя того, насколько глубоко искажается, к примеру, реальность отдельного события, представленного в СМИ [там же, с. 315—316]. При этом выражение «Вся поверхность мира покрыта симулякрами, они повсюду» звучит как приговор. Тем не менее подобная фантасмагория отражает объективную гносеологическую ситуацию, связанную с неизбежной необходимостью оперировать различными моделями исследуемых объектов, лишь в разной мере приближающими нас к воссоздаваемой картине ее величества реальности. Другое дело, когда речь идет о реконструировании событий культуры, в том числе, и прежде всего, в системе СМИ. В этом случае создается соответствующая форма, с помощью которой сообщение о событии может быть принято за реальное событие. Предварительно, правда, изучаются вкусы и предпочтения аудитории, воспринимающей сообщение. И здесь крайне важна мотивация, стоящая за формируемым сообщением, его смысл и назначение. В естественных науках ничего подобного не происходит. Они не работают с вымыслом и его не обслуживают, хотя воображение как ресурс используется достаточно часто. Кроме того, следует обратить внимание еще на один аспект реконструкции события в культуре. Каждое из множества «пульсирующих с разной частотой и интенсивностью явлений культуры» требует своей вполне определенной логики реконструкции того или иного события, чтобы последнее было воспринято как реальное. В этой ситуации СМИ беспокоит не то, как наиболее адекватно представить политическую или какую-либо другую реальность, они решают грандиозную «сверхзадачу» — как «сформировать» то или иное событие, чтобы его сделать правдоподобным. А главное, что подчеркивается во многих исследованиях, — от СМИ требуется владение техне — неким умением доставлять миллионам потребителей истинное удовольствие от жизни. Именно ожидаемое удовольствие рассматривается не-

редко как безусловный доход, который должны приносить своим клиентам средства массовой информации. Подобная установка является атрибутом культуры ценностей массового потребления, которая не подчиняется принципу реальности, а следует только принципу удовольствия [там же, с. 319]. Для лучшего понимания процессов, происходящих в современной культуре В. Подорога выделяет три страта:

• культура труда: культура, по утверждению автора, отчасти совпадающая с идеей «трудовой этики» М. Вебера;

• культура памяти: все помнить — культура, которая возобновляет, производит, воспитывает, обучает, формирует и готовит, развивает способности, учит правилам следования законам, образцам и т.д.;

• культура свободного времени, культура развлечений в масс-медийной среде. Это культура забытья. Ее лейтмотивом является установка: забыться на время, чтобы не помнить даже то, что необходимо для существования.

Проведя компаративный анализ присутствия выделенных страт в различные исторические эпохи, автор приходит к следующим выводам. Во-первых, он показывает, что культура труда в не меньшей мере функционирует в современной жизни, чем, скажем, в XIX в., правда, уже не отличается столь ярко выраженным аскетизмом и напряжением, характерными для того времени. «Не трудиться, а работать», — подчеркивает Подорога. Причем работать для того, чтобы иметь доход, или ресурс для обеспечения полноценного отдыха и комфорта жизни. В рамках современной культуры тип трудоголика является скорее отклонением от трудовой нормы. Работа и жизнь выступают в качестве несмешивающихся противоположностей. «Не работать, а жить», — главная мировоззренческая установка современного человека, которую автор уточняет: «Работать, не чтобы работать, а работать, чтобы жить». Так представляет В. Подорога процессы трансформации, имеющие место в постмодернистской культуре труда.

А вот с культурой памяти дела обстоят куда более драматично. Автор констатирует факт разрушения институтов памяти. В частности, «индивидуальная память («личная»), пишет он, вместе с ускорением ритма жизни становится все более инструментальной, «не глубокой», слишком быстро стирающейся: «человек теперь помнит лишь то, что ему нужно помнить в данный момент времени, чтобы прожить день или два» [там же]. Исследователь при этом обращает внимание на так называемый мнемозический парадокс современного общества, который он выводит с учетом еще одного весьма интересного обстоятельства. Основные и наиболее обширные резервы памяти (в том числе и индивидуальной) находятся в сфере киберпамяти. Эта память в состоянии хранить бук-

вально все, но она, как утверждает В. Подорога, уже никому не принадлежит. Иными словами, современное общество помнит все, но никто из его членов не помнит ничего, даже себя. «Итог в данном случае звучит как приговор: всеобщая потеря памяти, культурное одичание народных масс. По крайней мере, к этому все идет», заключает автор. Культура памяти, таким образом, разрушаясь, утрачивает статус влиятельного страта, маргинализируется, становится доступной лишь узкому кругу знатоков. Носителями этой культуры (технологически бесполезного знания) в настоящее время являются люди секты, в то время как в предшествующие эпохи культура памяти символизировала идеалы и нормы поведения в различных слоях общества, включая властные структуры.

Всячески подчеркивая условность представленного деления на страты, утверждая, что в чистом виде такие страты не могут существовать, В. Подорога тем не менее допускает (опять-таки условно), что два первых страта образуют то, что можно назвать высокой культурой (культурой высших, или эталонных, образцов), а третий страт — низкой культурой, или культурой ценностей массового потребления, которая подчиняется только принципу удовольствия. В порядке описания представляющей безусловный интерес концепции нашего коллеги выделим ряд важнейших выводов, имеющих определенную гносеологическую ценность, хотя, на наш взгляд, небезупречных с точки зрения обосновываемых в настоящей работе мировоззренческих установок [там же, с. 320]:

• сегодня культура развлечения, или, точнее, культура, эксплуатирующая свободное время, постепенно подчиняет себе страт высокой культуры, фактически встраивает ее в те потребности, которые рождаются в массмедийной индустрии образов;

• в высокой культуре современное общество больше не нуждается, и не потому, что не пользуется ее плодами, а потому, что оценивает их по цене, которую они могут иметь как товары рынков развлечения, а эта цена крайне низка;

• сегодня «высокая» культура уступает требованиям полезности, комфорта и наслаждения, она больше не в состоянии атаковать власть, расширять возможности воображения и претендовать на истину, как это было прежде;

• «низкая» культура привлекает для обслуживания своих целей высококлассных исполнителей. Таким образом происходит перетекание знаний и умений из одной области культуры в другую. При этом на первом месте оказывается нацеленность на то, чтобы принести своим клиентам безусловный доход в виде ожидаемого удовольствия. В результате «высокая» культура — культура памяти, упражнения и труда — все более сжимается, подобно бальзаковской шагреневой коже, и ее ресурс становится невосполнимым;

• мировая культура скоро может быть представлена в качестве глобальной массовой и никакой иной.

Заключение

Давая оценку подобным, на наш взгляд, достаточно интересным выводам, отметим, однако, что их уязвимость обусловливается по большей части не вполне корректной исходной концептуальной установкой автора, связанной с весьма опрометчивым отождествлением культуры труда и памяти с «высокой» культурой, а культуры свободного времени, так называемой культуры забвения, с «низкой» культурой. Для психологов и медиков уже давно не является откровением тот факт, что полноценный отдых, идентифицируемый как глубинное «забвение», создает предпосылки для эффективного труда, обеспечивая возможности процессов регенерации и наращивания творческого потенциала культуры памяти, которая в этом случае отнюдь не ассоциируется со сжимающейся бальзаковской шагреневой кожей, ресурс которой невосполним. Культура памяти и культура забвения нам представляются как две взаимопроникающе связанные противоположности, которые неизбежно дополняют друг друга в едином процессе функционирования общего тела культуры, «сердце» которой «бьется» между двумя полюсами, «то замедляя или совсем останавливая социальное время, то его убыстряя, интенсифицируя, распространяя за собственные пределы». И в этом процессе наряду с конструктивными интенциями, обозначенными нами выше, безусловно, имеют место и явления деградации, акцент на которых был сделан В. Подорогой в обсуждаемой концепции. Мы далеки от абсолютизации явлений деградации культуры памяти, которые связаны с бурным развитием культуры ценностей массового потребления, стимулирующимися современной массмедийной индустрией образов. Согласно нашим представлениям, культура забвения может играть двоякую роль. Конструктивная ее ипостась уже была обозначена выше. Что касается процессов деградации, имеет смысл отметить следующее. Через механизм деструктивного забвения происходит «выедание» всего лишнего, отжившего в культуре памяти, освобождение ее от не оправдавшихся временем стереотипов прошлого. Вопрос в том, как сделать эти процессы управляемыми, и здесь чрезвычайно важно использовать гуманитарный потенциал СМИ, хотя и встроенный в постмодернистский образ современной культуры. По-видимому, такой потенциал СМИ может быть реализован в условиях финансовой независимости журналистов, которая на сегодняшний день представляется своеобразной фата-морганой, однако, возможно, уже в недалеком будущем станет хорошо отрефлексиро-

ванным парадигмальным образцом деятельности СМИ благодаря интернету и новым электронным медиа. Не последнюю роль в этом осуществлении подобных процессов должна, на наш взгляд, сыграть гражданская, или так называемая народная, журналистика. Являясь в некотором роде альтернативой профессиональной журналистике, народная журналистика будет стимулировать раскрытие творческого потенциала и соблюдение этических норм последней.

Что же касается властных структур, для них должно стать органичным понимание того, что нет явления, более социально опасного, чем «голодный» журналист, обремененный проблемой выживания. Этот тезис следует рассматривать в качестве отправной точки в организации российской системы СМИ.

Список литературы

Землянова Л.М. Гуманитарная миссия современной глобализирующейся коммуникативистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010.

Моисеев Н.Н. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 3.

Подорога В. Культура и реальность. Заметки на полях // Массовая культура, современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований, 2005.

Силк Дж. Большой взрыв: рождение и эволюция Вселенной. М., 1982.

Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006.

Уиллок Д.Э. Реальность как предмет переговоров: хаотические аттракторы нашего понимания // Массовая культура, современные западные исследования. М.: Фонд научных исследований, 2005.

Harms J., Dickens D. Postmodern Media Studies: Analysis or Symptom? // Critical Studies in Mass Communication. 1996. N 13.

Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review. 1984. July — August.

Поступила в редакцию
27.02.2014